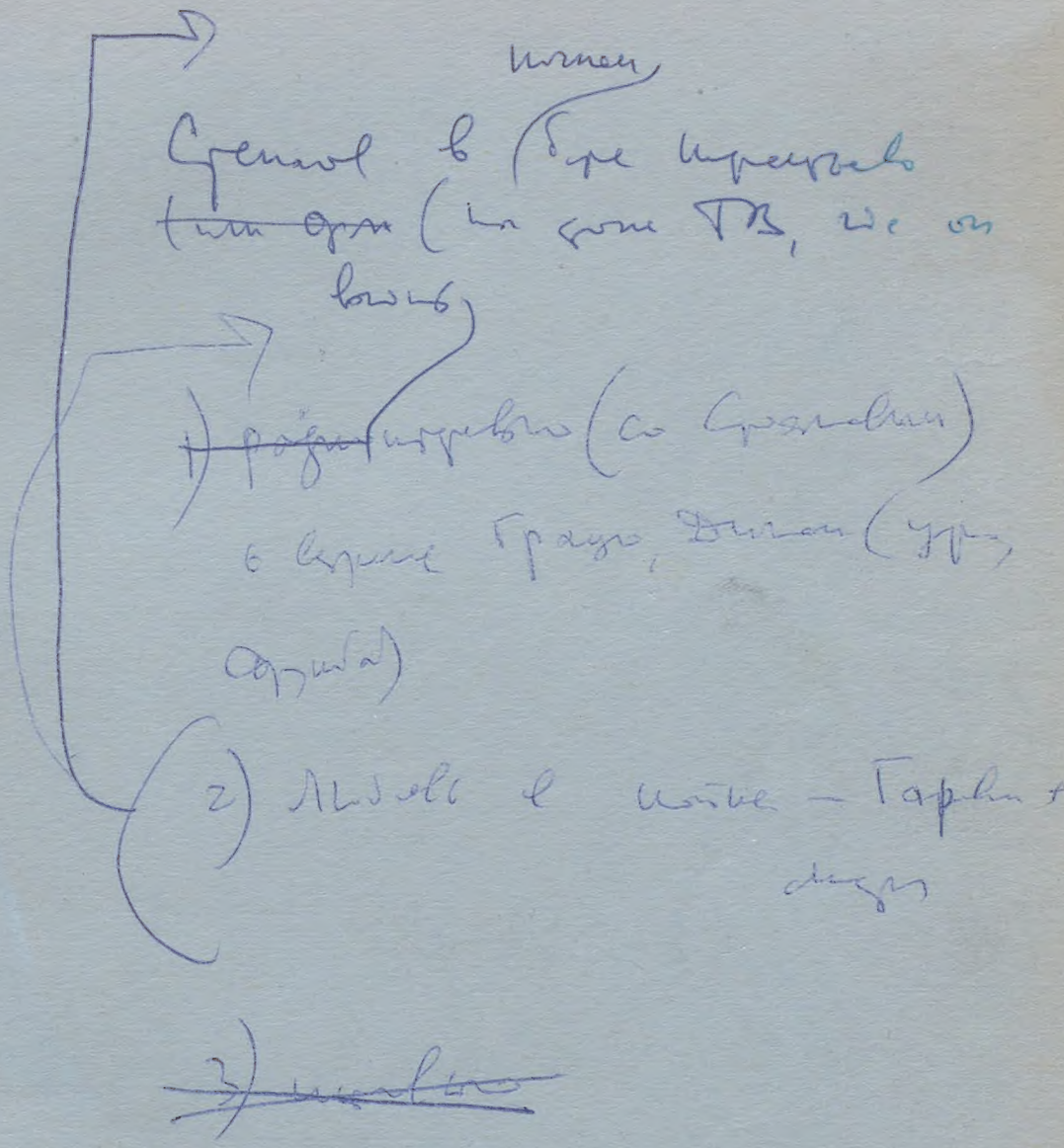

ЮЛИАН СЕМЕНОВ

"П Р Е С С - Ц Е Н Т Р"

литературный сценарий

1-ая серия

Режиссер-постановщик
С.АРАНОВИЧ

В темноте бесконечного космоса маленькая голубая планета. Это Земля. Она сиротлива и одинока в холодной бездне.

Земля приближается к нам, увеличиваются ее размеры. Вокруг шара возникают, теснятся и наплывают друг на друга Париж, Лондон, Москва, Нью-Йорк, Токио, Берлин, Женева...Холодный звук космоса обретает многоголосую речь, музыка, шум городов сплетается в единый живой фон.

Вот уже нет четких очертаний континентов и морей, все приобрело крупность и реальность:

... Стреляют в Центральной Америке...

... Стреляют и избивают в Южной Африке.

...Рушатся дома на Ближнем Востоке...

... Взрывают...убивают...похищают...

... Безумный муравейник Биржи...

... Безумный мир планеты...

... Стучат телетайпы...

Женеф. Пресс-центр на Плас де Насьон.

Как всегда, здесь шумно, многоязычно, суетливо. Пьют кофе, пиво, разговаривают, шумят, ссорятся. Здесь японцы и русские, французы и американцы, поляки и никарагуанцы, чехи, китайцы, сенегальцы. В комнатах, арендованных крупнейшими информационными агентствами и газетами, радио и телекомпаниями, трещат машинки, журналисты читают газеты, диктуют по телефонам новости.

На этом фоне название фильма:

" П Р Е С С - Ц Е Н Т Р".

Фон темнеет, становится грифельной доской.

Смуглая детская рука выводит мелом на этой доске первую

букву алфавита. Мелок крошится, в глазах ребенка восторг. Два десятка ребятишек сидят на земле, смотрят на доску и вслух, хором повторяют букву.

Забор из кустарника, за ним несколько любопытных лиц мальчишек 14-15 лет. Они в военной форме и с автоматами на плечах. Они тянут лица, их губы шепчут букву. Рядом - их сверстники с повязками на глазах "вслепую" собирают и разбирают автоматы.

На плантациях крестьяне собирают зерна какао, промывают их и сушат под солнцем.

Маршируют в городе солдаты революции.

Полковник Санчес поднял на окне шторку.и повернулся к Мари Кровс. Она сидела за маленьким столиком, перед ней лежал диктофон. Рядом, в кресле помощник Санчеса по связям с прессой Гутиерос.

- Революция,- сказал Санчес,- прежде всего ломает устоявшиеся формы обращения друг к другу; нет ничего прекраснее слова "гражданин", и обращения к товарищу на "ты"; доверие, как и любовь, возможно только между равными, а равны лишь те, которые верят друг другу.

- Я все время ощущаю свою малость в этом премьерском кабинете... Я до сих пор не могу привыкнуть, что лидера страны здесь называют на "ты",- улыбнулась Мари.- Вы счастливы?- спросила она.

Санчес улыбнулся, улыбка была детской, открытой и до того доброй, что у Мари защемило сердце...

Он достал испанскую черную, крепчайшую сигару "Дукато", закурил.

- Господи, как же я его люблю,- подумала она,- я никого

и никогда не любил/а так, как его... Да, умом я понимаю его правоту, да, он верно говорит, что ему не простят, если я стану жить здесь; лидер национальной революции привез немку, у него много врагов, это сразу же обыграют, а здесь поступают круто с теми, в кого перестают верить...

- Ты спрашиваешь, счастлив ли я?- задумчиво переспросил Санчес.Он присел рядом с Мари, взял в руки диктофон и сказал: - Да, пожалуй, я вправе ответить - счастлив!

- Из чего складывается ва...твое ощущение счастья?

- Из того, что я могу осуществить свои мечты на деле.

- Тебе трудно делать это?

- Да.

- Отчего?

- Мы пришли к власти в стране, где царствовала диктатура, коррупция, ленность и произвол. Это наложило печать на весь строй психологического мышления нации, изменить это - задача задач тех, кто взял на себя ответственность за будущее. Как изменить? Принуждением к работе? Не выйдет. Энтузиазмом? Да, возможно на первых порах. Но решительный перелом может произойти только в том случае, если будет выработана точная экономическая модель, построенная на идеологии равенства, справедливой оплаты затраченного труда и, наконец, творчества... Ты читала книгу Мигеля Анхела Астуриаса "Сеньор президент"?

- Не помню.- Мари потянулась за чашкой и сделала несколько глотков кофе.

Санчес покачал головой, подумав, ты не читала, любовь моя, иначе бы ты не могла забыть,.. как же прекрасно ты засыпала с книгой, когда я оставался у тебя на Бетховенштрассе, в твоей маленькой комнате чистенькой и светлой, как слово "здравствуй",

ты засыпала, словно дитя, а я лежал и боялся пошевелиться, хотя мне надо было успеть просмотреть за ночь добрую сотню страниц, как я осторожно не отодвигался от тебя, ты все равно ощущала это, и обнимала меня, прижималась еще теснее, и я оставался подле, недвижим.

– Это – замечательная книга великого гватемальца,– продолжил он и встал. – Астуриас писал, что диктатура – это страшный ядовитый паук, в его романе показано, как развращается, подкупается, запугивается все классы общества, как люди становятся либо бездушными механизмами, либо страшными фанатиками, либо отвратительными приспособленцами... Некоторые думают, что после диктатуры наступит новое время и все станет на свои места... К сожалению, это не так. Проходят годы, а дух диктатора и его системы все живет и живет. Почему? Да потому, что диктатура разъедает общество до мозга костей...

– Когда вы намерены провести выборы? Я имею в виду демократические выборы.

– Я против вольного общения со словом "демократия". Я начинаю отсчет демократии с количества грамотных женщин и здоровых детей в Гаривасе... И думаю, в середине следующего года пройдут выборы, хотя главные выборы, прошли совсем недавно и они были общенародными: люди вышли на улицы, они голосовали, строя баррикады и бросая "коктейли Молотова" в бронетранспортеры полиции...

– Как относится администрация Белого Дома к практике правительства, возглавляемого тобой, полковник Санчес?

– Мы поддерживаем нормальные дипломатические отношения с Соединенными Штатами, и у меня нет оснований, достаточных,

уточнил бы я основания, для того, чтобы обвинять северного соседа во вмешательстве.

– Но в американской прессе...

Санчес перебил:

– Я не знаю, что такое "американская пресса"... Есть пресса Северной Америки, есть пресса франко-говорящей Канады, есть газеты, выходящие в Бразилии на португальском языке, есть наша пресса, для людей читающих по-испански.

– Прости... Я имела в виду англочитающую прессу Соединенных Штатов... Там сейчас стали появляться статьи, в которых твой режим называют прокоммунистическим...

– Я – за свободу печати,– отрезал Санчес. – Это их дело...

– В чем ты видишь смысл экономической реформы?

– В честной и справедливой оплате. В честном распределении национального дохода. В привлечении иностранного капитала достаточного для того, чтобы дать стране энергию. Ты ездила по республике и видела, что у нас практически нет механизированного труда, женщины и дети работают на солнцепеке, руками, в то время как все это же можно делать машинами...

– А чем ты займешь людей, если сможешь провести экономическую реформу.

Побережье... Наше побережье может стать таким курортно-туристским местом, равного которому мало где сыщешь...

– Кто будет финансировать энергопрограмму?

– Европейские фирмы, заинтересованные в широких контактах с развивающимися странами.

– Но ведь американские фирмы ближе?

– Мы пока что не получили от них предложений... Одни сло-

ва...Тем не менее, мы готовы рассмотреть любое деловое соображение с севера, если оно поступит.

– Кто в Европе проявляет особый интерес к сотрудничеству с Гаривасом?

– Вот,– Санчес открыл папку и достал лист.– Сообщение о совещании в Милане, где встретились представители крупнейших концернов мира, которые осуществляют свои проекты в развивающихся странах... Франс Пресс распространила снимки этих сильных мира.– Санчес достал фото и показал его Мари.

Это Барри Дигон, Дейв Ролл, Фриц Трусеви и Леопольдо Грацио.

– Именно Леопольдо Грацио нам надежный партнер. Впрочем, я бы просил тебя не упоминать его имя, я не до конца понимаю все хитрости взаимоотношений китов мирового бизнеса, конкурентная борьба и все такое прочее, так что, думаю, имя Грацио не стоит упоминать в твоем интервью. – Санчес вопросительно посмотрел на своего помощника Гутиераса. Тот кивнул.– По всяком случае,– добавил Санчес,– до той поры, пока я не проконсультирую это дело с ним самим... А еще лучше, если это сделаешь ты, я дам тебе прямой телефон...

– Спасибо. Я непременно ему позвоню, как только вернусь в Женеф.

– Я дам тебе прямой телефон его секретаря фрау Дори, которая,– если к ней звонят именно по этому телефону, соединяет с Грацио, где бы он ни был: в Лондоне, Палермо или Гонконге.

– Хорошо быть миллиардером.

– Смотря как посмотреть... Честным – трудно.

– А разве есть честные?

– Думаю – да. Это люди, ставящие не на военно-промышлен-

ный комплекс, а на мирные отрасли экономики...

– И думаю, что коммунисты отнесутся к этому твоему утверждению без особой радости.

– Во-первых, надо бы знать, что Ленин призывал большевиков учиться хозяйствовать у капиталистов.

– Среди членов твоего кабинета есть коммунисты?

– Насколько мне известно – нет.

– Ты позволил задавать мне любые вопросы, не правда ли?

–"Я всегда позволил тебе это, любовь моя,– подумал он,– а ты чаще всего задавала мне лишь один:"Ты любишь меня?". А я отвечал, что не умею говорить про любовь, я просто умею любить, а ты шептала:"Женщины любят ушами"...

– Да, я готов ответить на все твои вопросы,– сказал он,–но впрочем, я резервирую за собой право просить что-то купировать в твоем интервью...

– В твоем кабинете нет разногласий?

– В нашем кабинете есть разные точки зрения, но это не значит "разногласия".

– Позволь напомнить тебе строки Шекспира...Когда Кассий говорит Бруту:

Чем Цезарь отличается от Брута?
Чем это имя громче твоего?
Их рядом напиши – твое не хуже,
Произнеси их,– оба
Так же звучны
И вес их одинаков.

Санчес пожал плечами.

– Тот не велик, кто взвешивает свое имя... Впрочем, моя

в Цезаре привлекает одна черта: больной, лысый старик, он не боялся смерти; этот страх казался ему противным высоте духа... Словом, Брутом,в наш прагматический век, быть невыгодно. В памяти поколений останется Цезарь, а не его неблагодарный сын.

– Но ведь Брут был республиканцем, полковник Санчес...Он чтил римлянина Цезаря, но Рим был для него дороже...

– А для матери Цезарь был хворым мальчиком, а не великим владыкой умов и регионов...

Мари выключила диктофон и спрятала его в сумку.

– Если говорить о трагедии Брута, который поднял руку на личность, то я должен буду отметить, что он выступил не против своего отца, императора Цезаря, но за свободу республики... Ведь не во имя своего тщеславия он поднял нож...

– Ты оправдываешь Брута?– спросила Мария Кровс.

– Я размышляю, а всякое размышление складывается из тезы и антитезы.

– Это термин Маркса.

– Взятый им у Гегеля, а тот в коммунистической партии не состоял,– улыбнулся Санчес.

Гутиерес посмотрел на часы, стоявшие на бальном камине:

– Полковник, на три часа назначена встреча с министрами социального обеспечения и здравоохранения...

– Я помню,– ответил Санчес.– Увы, я помню,– повторил он и поднялся.– Мари, я отвезу тебя на аэродром и по дороге ты задашь мне те вопросы, которые не успела задать сейчас, о'кэй?

Во дворе начальник охраны отдал Санчесу честь и открыл

дверь машины.

– Нет,– сказал Санчес,– мы испанцы потомки конкистадоров и не можем отказать себе в праве лично отвезти прекрасную Дульсинею в аэропорт.

Он пригласил Марию в гоночную "Альфа-ромео", посадил рядом.

– Прошу пристегнуться,– сказал Санчес и резко взял с места.

Несколько крутых поворотов и машина уже мчалась по улицам пригорода.

– Слава богу, мы одни,– сказал он.

– Мы не одни,– сказала она,– за нами едет машина с твоими людьми. Санчес оглянулся. Сзади ехал "Джип" с охраной.

– Но мы, тем не менее, одни... Я послушай, что я сейчас скажу... Если ты сможешь напечатать, помимо этого интервью, в котором, мне кажется, я выглядел полным дурнем, материалы про то, что ситуация у нас чрезвычайно сложна, и никто не в состоянии сказать, что случится завтра, если ты, лично ты, без ссылки на меня, сможешь напечатать репортаж про то, что нас хотят задушить, ты сделаешь очень доброе дело...

– Тебе так трудно, родной...

– Не легко... Сейчас в эти дни решается очень многое... Если не все... Ты думаешь, я не знаю, сколько у меня завистников, открытых врагов? Ты думаешь, я не знаю, как будут счастливы многие, если мой проект провалится? Да, Грацио – ключевая фигура этих дней. Но ты забудь про это, я и так сказал тебе слишком много.

– У меня так тяжело на сердце. Может быть, ты позволишь мне приехать сюда?.. Я аккредитуюсь при твоем управлении печа-

ти...

– Нет.

– Почему?

– Потому что я не смогу видеть тебя, а если мы станем видеться, мне этого не простят, я не говорил... Помнишь, рассказ про старого казака и его сына, который влюбился в польку?

– Он изменил из-за любви, это Гоголь...

– У нас мою любовь к тебе станут называть изменой...Я очень верю в тебя, Мари, верю в себя, но я знаю наших людей... Погоди, у нас прекрасный урожай какао, мы получим много денег, сюда приедет масса инженеров из Европы... Тогда приедешь и ты... А сейчас мы слишком на виду, нельзя.

– Я не очень-то ревнива, но мне горько думать, кто с тобою рядом...

– Я встаю в шесть и засыпаю в час ночи...– Он улыбнулся.

– Кто бы мог подумать, что революционный премьер Гаваны ведет жизнь монаха...

– Ты не веришь мне?

– Я люблю тебя...

– Это я люблю тебя.

– Скажи еще раз.

– Я тебя люблю.

– А нельзя как-нибудь оторваться от твоих телохранителей?

– В сельве нет дорог, а если мы с тобой станем любить друг друга на шоссе, соберется слишком много любопытных,– он засмеялся.– А вот я тебе верю беспредельно, Мари.

– Можно мне иногда звонить тебе и задавать дурацкие вопросы о твоей энергопрограмме?

– Не называй мою мечту дурацкой.

– Дурацкими я назвала свои вопросы...

– Никогда так не говори ни про себя, ни про твои вопросы.

– Не буду. А еще сколько ехать? Ты не можешь сбавить скорость?

– Могу, только тогда они будут совсем рядом.

– Лучше б мне и не приезжать к тебе... Я никогда не думала раньше, что ты такой...

– Какой?

– Ну, такой!

Санчес засмеялся.

Он оглянулся на охрану, поднял руку и потрис ею. Это, видимо, означало: ребята, елки-палки, мы олухи и ничего не соображаете.

В Джипе поняли этот жест и засмеялись.

– Мигель, а помнишь, что я сказала тебе, когда ты впервые у меня остался?

– Помню. Я помню каждую нашу минуту, каждую, Мария. Я помню, как просто и прекрасно ты спросила меня...

И вдруг, из кустов на дорогу выскочили двое парней. Лица их были блеклы до синевы. Они встали, неловко вскинули к животам короткоствольные автоматы: Санчес резко вывернул руль, успел резко и больно пригнуть голову Мари, снова вертанул руль, услыхал автоматную дробь за спиною – это из "Джипа", по террористам палили охранники,– дал по газам и понесся по дороге...

Охрана прыгала с машины и бежала к террористам. Они лежа-

ли на дороге, кровавя асфальт и пытались ползти к обочине. Солдаты долго палили по ним из автоматов. Их изрешеченные тела дергались и подпрыгивали от пуль.

Пуллах. Вид города сверху, проезд по улицам. В кабинете у заместителя директора БНД сидел начальник сектора изучения информации. Он докладывал:

"Гамбургская журналистка Мария Кровс(досье С-ад-52), аккредитованная при Европейском пресс-центре, дважды - на протяжении последних одиннадцати месяцев, выступила с материалами, заслуживающими оперативного изучения".

Начальник сектора открыл папку и продолжил:

а) 12.02.83 она опубликовала в "Блице" сообщение из Женевы о том, что лидером правых, действующих с территории Сальвадора против Никарагуа, является Хорхе Ауреллио, агент ЦРУ по кличке "Портон", состоящий на связи с "Джозефом".

Начальник сектора оторвался от папки и сказал:

- По сообщению, полученному от наших коллег из Лонгли, "Портон" действительно состоит на связи с "Джозефом", который работает в Сальвадоре "под крышей" советника Национальных компаний, занятых производством бобов какао и бананов. Следовательно, по мнению наших американских коллег, либо существует утечка совершенно секретной информации из штаб-квартиры ЦРУ, либо утечка информации постоянно происходит в Сальвадоре.

Поскольку никто из журналистов не сообщал в свои газеты об этом факте, отдел "У-Ф-14" просит нас предпринять возможные шаги для того, чтобы установить канал, по которому упомянутая

информация прилипла к Марии Кровс.

Начальник сектора продолжал читать:

б) 27.03.83 именно Мари Кровс напечатала в лево-радикальной газете "Войс" статью под заголовком "Без пяти двенадцать". В этом материале М.Кровс писала, что часы "кровавой диктатуры Гаривасо" сочтены, силы национального обновления не намерены терпеть далее "тиранию и предательство национальных интересов", что, "в м д и м о, падение нынешнего режима есть вопрос не месяцев и недель, но дней, а возможно и часов".

Начальник сектора закрыл папку, положил ее на стол и сказал:

- Через сорок два часа в Гаривасе власть взяли " революционные офицеры" во главе с полковником Санчесом.

ЦРУ просит установить наблюдение за Марией Кровс с целью выяснить возможность ее контактов с секретными службами Москвы или Гаваны.

Заместитель директора НИД улыбнулся и спросил:

- Ну, а если допустить: Мария Кровс просто-напросто талантливая журналистка? А талантливость предусматривает элемент чувствования...

- Тогда надо бы порекомендовать Марии Кровс,- так же добродушно ответил шеф сектора,- поменять ее имя на "Кассандра".

- Это уже было... В тридцатых годах парижская журналистка Женевьева Табуи выпустила книгу "Они называли ее Кассандрой".

- Чисто французская скромность...

- Я бы уточнил: чисто женская скромность... Ваши предложения?

- Поставить наблюдение за Кровс и дать указание нашей ква

царской резидентуре проследить все ее контакты.

– Настоящая фамилия Кровс покажется вам особенно любопытной. Ее отец – Пикс, из концерна ярого консерватора Бельсмана,– заметил заместитель директора.

Шеф сектора "изучения" оценил осведомленность своего руководителя, поэтому позволил себе восхититься, во-первых, но и, во-вторых, показать свою компетентность:

– Ах, вот как?! Это тот Пикс, который живет в Париже с массачистской мадам Гала, и пишет свои обзоры под фамилией Вернье?

– Именно так, и я поздравляю вас с поразительным профессионализмом памяти... Нет, я бы не торопился с началом такого рода работы по Кровс... Я бы рекомендовал начать с ц е н и. Попробуйте обратить эту самую всевидящую Кровс в нашу...ну, если не в приятельницу, то хотя бы в... невольный, что ли, источник информации...

Через три часа советник по прессе созвонился с руководителем адвокатской конторы "Розен унд Шульц" господином Брюкнером; тот специализировался на делах, связанных с работой издательств и редакцией.

Через пять часов девять минут господин Брюкнер увиделся с хозяйкой фирмы "Розен унд Шульц" фрау Розен.

Через семь часов фрау Розен договорилась о встрече с ре-

дактором журнала "Трайб трибюне" Гербертом Доле.

Через девять часов двенадцать минут в квартире Кровс раздался звонок. Мари подошла к телефону:

– С вами говорит секретарь господина Доле,– раздалось в трубке,– мой шеф приглашает вас завтра к себе, в девять утра, в свой офис.

– Я заканчиваю срочный материал,– ответила Мари,– я только что вернулась из Латинской Америки... Может, вы были бы любезны назначить мне время на послезавтра?

– К сожалению, дорогая фрейлен Кровс, послезавтра мой босс улетает на Канарские острова... А он хотел бы внести вам свои предложения до того, как улетит...– сказала секретарь и стала ждать.

– Хорошо, спасибо, я приду.– Мари медленно положила трубку

Доле поднялся из-за ажурного восемнадцатого века стола, дружески протянул руку, пошел навстречу Мари, и не скрывая восхищения, оглядел ее, усаживая в кресло:

– Что будет пить моя зеленоглазая гостья?– и не дождавшись ответа, достал из холодильника, вмонтированного в стеллажи, бутылки "виски", лед, орешки, и сразу же приступил к делу:

– Когда-то я тоже писал,– сказал он.– Будь проклята моя нынешняя профессия, но ведь кто-то должен быть бюрократом... Кто-то должен резать ваши материалы, быть козлом отпущения в скандалах с правительственными остолопами, выбивать у хозяев

побольше средств на оплату наиболее талантливых материалов, улаживать споры с бастующими наборщиками...

– Очень хочется вернуться к пишущей машинке?– спросила Мари.– Или кресло засосало окончательно?

Доле горестно улыбнулся:

– Именно поэтому у меня не кресло. Я сижу на вращающемся секретарском стуле, и все меня упрекают за эклектизм: век восемнадцатый и имение несовместимы, говорят люди.

– Все совместимо,– убежденно ответила Мари.– А дальше все будет еще более совместимым, поскольку химия подарила миру гуттаперчу, и люди спроецировали это прекрасное синтетическое качество на врожденное – совесть...

Лицо Доле на мгновение замерло, глаза по-кошачьи сузились, но так было лишь какую-то долю секунды:

– Ваше заключение – хороший повод перейти к деловой части разговора, фройлян Кровс... Вы, полагаю, знаете про мой журнал, но, думаю, не обращайте внимания на все те небылицы, которые про меня распускают...

– Про всех говорят разное...

– Именно... Так вот, я внимательно присматривался к вашим публикациям, меня особенно заинтересовали материалы о сальвадорских диверсантах из американского секретного ведомства, которые вроде бы растят бананы, и ваше предчувствие переворота в Гаривасе... Не хотели бы поработать на меня?

– Вы согласны печатать все то, что я стану писать?

– Ну, если что-либо и помешает мне это сделать, вы получите сполна, по высшему разряду, фикс я готов оговорить заранее.

– Хм... Это заманчиво... Конечно, я согласна...Но я не

очень понимаю, чем вызвано столь лестное предложение, господин Доле?

- Все очень просто...Вы угадали дважды... Вы угадали в уголу левым, а я - правым... Но ведь меня покупают и левые и правые, а самое главное - болото, оно-то и дает прибыль...В конечном счете, крайний левый Маркузе всю войну работал в сугубо правом Центральном разведывательном управлении... Я - коммерческий редактор и мне не важно, на ком я подниму тираж... Вы же агитируете за то, чтобы нами стали править коммунисты? Нет.

Вы угадываете? Да.

Вас читают? Бесспорно.

Вы имеете все шансы стать звездой? Да.

Меня это устраивает... Что за срочный материал вы вчера заканчивали?

- Интервью с полковником Санчесом.

- Ого! Но ведь, сколько я знаю, он никому не дает интервью.

- Мне дал.

- Где это интервью?

- Здесь,- она похлопала по сумке.- Только не перепечатаю.

- У меня прекрасная стенографистка, фрейлен Кессе. Продиктуйте ей, я сразу же прочитаю и пущу в набор... Думаю, три тысячи франков вас устроит?

- И вы согласны оплатить стоимость авиационного билета?

- Бесспорно, но тогда я уплачу вам две тысячи франков, и это будет справедливо.

- Но я ставлю одно условие, господин Доле...

- Вы само очарование, я готов пойти вам навстречу во всем, но я не умею подчиняться условиям... Предложение - пожалуйста...

- Я отдам интервью с Санчесом только в том случае, если вы напечатаете и мой комментарий. Я в чем-то не согласна с полковником, и пишу об этом со всей определенностью...

- Диктуйте комментарий моей фрейлен Боссе, я посмотрю.

Мари Кровс диктует комментарий фрейлен Боссе.

Работает аппарат ксерокопии.

Фрау Розен передает папку с ксерокопией господину Брикнеру.

Начальник сектора изучения информации положил папку на стол заместителю директора БНД.

- Это интервью и комментарий Мари Кровс,- сказал он.

Зам.директора БНД полистал папку, вытащил лист и стал читать:

-"В Гаривасе взрывоопасная ситуация", и что "если лидеры революции не называют имен тех, кто намерен свергнуть Санчеса извне, то не потому, что не могут или не хотят этого сделать, но лишь в связи с тем, что ждут нужное время, удобное и целесообразное для такого рода заявления".

"Активность групп, породненных с концерном Дигона, связывают свои надежды с тем, что в Гаривасе придут новые люди, более"покладистые" и "трезво" оценивающие традиционную роль северного соседа, его государственные, а также и деловые интересы. Один из молодых майоров сказал мне в заключении беседы: "Продержавшись пару месяцев, мы надолго удержим власть; в противном случае нас ждет катастрофа".

- Вот это ее "предчувствие", с чем связывает свои надежды Дигон, как раз не нужно. - Зам.директора БКР вернул папку и добавил.- Предложите Доле оплатить издержки за неопубликованные комментарии Мари Кровс.

Доле встал из-за стола:

- Интервью - блистательно, вы побьете мадам Фалачи, верьте нюху коммерсанта от журналистики. Я ставлю материал в номер. Ваш комментарий о том, что в Гаривасе грядут тревожные события, я поставлю через номер, после того, как появятся отклики на интервью.

- Отклики появятся, я вам обещаю. Мне хочется увидеть комментарий, не дожидаясь откликов...

- Фрейлен Кровс,- сказал Доле и улыбка на его лице исчезла, словно ее и не было,- я сказал вам лишь то, что я считал нужным сказать. Решайте, все на ваше усмотрение. Я готов оплатить издержки.

Мари встала и направилась к выходу.

- Я был уверен - вы на это не пойдете,- сказал ей вслед Доле.

Во дворце шло заседание кабинета.

За овальным столом сидели: Санчес, Хорхе Кристобаль - директор энергетического проекта.

Всласко - управляющий банком развития.

Энрикэ Прадо - министр энергетики и планирования.

Лопес - министр обороны.

Диас - нач.генерального штабаа

Луис Аурелио - министр общественной безопасности.

Хуан Мануэль - министр финансов.

Говорил Лопес:

- В конечном счете,- доказывал он членам кабинета,- после того, как была обстреляна машина Санчеса и правые террористы предприняли попытку взорвать центральный телеграф... судьба страны всегда зависит от судьбы лидера, поэтому, полагаю, армия вместе с силами безопасности сможет обеспечить охрану членов кабинета, а вот охрану полковника Санчеса я предлагаю поручить майору Карденасу, и все мы знаем, отчего я называю именно эту кандидатуру. Санчес и Карденас заканчивали одну школу, их связывает юношеская дружба, они вместе примкнули к движению "патриотических офицеров за прогресс родины", вместе шли под пули диктатора. Мое предложение соответствует сегодняшней ситуации.

- Голосую против,- сказал Санчес.- Карденас действительно настоящий друг, но это большая роскошь.

- Повторяю,- настаивал Лопес,- судьба страны всегда зависит от судьбы лидера. Я голосую "за"!

Все члены кабинета подняли руки.

- Хорошо,- сказал Санчес,- еще раз о самом важном... Как только соглашение об энергопрограмме будет подписано, как только страна получит заем, то есть реальные деньги, тогда главная опора, на которой держались правые, спекулируя на экономических трудностях, будет выбита у них из-под ног. Впрочем, никогда не думал, что т я г у ч к а, связанная с полученным займа, будет столь из-

матывающа; Грацио, однако, говорит, что это - в порядке вещей, эксперты банков перепроверят через свои разведслужбы надежность режима, платежеспособность нашей валюты, компетентность министерств финансов и экономики. А что делать? Вкладывают ведь не что-нибудь, но золото. Я верю Грацио, но конечно же, отдаю себе отчет в том, что этот человек лелеет честолюбивую мечту сделаться отцом нации, оттеснить американцев, доказать всем в третьем мире выгоду европейской ставки; пусть себе, дадим ему лавры " отца нации", только б сделал дело. Однако, чем дальше, тем больше мне начинает казаться, что Грацио несколько потерял реальную перспективу, будучи человеком могучим, он живет собою, своим миром и не очень-то о г л я д ы в а е т с я. Я, в аккуратной форме, сказал ему об этом, Грацио тогда рассмеялся:"Моя мама всегда жалела меня,- сказал он,- и говорила, что я бездумно трачу деньги, верю не тем людям и люблю не тех женщин... Но ведь я жив, и дела мои идут не плохо, и женщины пока еще не жалуются на меня, и друзья рядом, хотя кое-кто порою продает по мелочи, я смотрю на это сквозь пальцы".

Да, Грацио - наша надежда. Остается нам жить и надеяться. Реализовать свою мечту мы можем лишь во времени.Я мог бы еще раз подчеркнуть свою точку зрения о тех особых надеждах на Грацио, которые возлагает Санчес,- сказал Лопес, но воздержусь, а то мне опять достанется от Пепе,- он посмотрел в сторону Пепе Аурелио и улыбнулся.

Санчес улыбнулся, взглянул в зеркало и сильными движениями стал растирать полотенцем плечи и спину. В дверь заглянула ста-

рая женщина:

- Переоденешься, мальчик?- спросила она.

- Да, тетя,- ответил Санчес.- И жить, и умирать надо в чистом.- Он засмеялся.

- Не болтал, перекрестись, мальчик,- сказала женщина, и сама перекрестила его.

Санчес обнял старуху:

- Хочу уехать минут на сорок в "Клаб де Пескадорес" сгонять партию на бильярде.

В дверь заглянул Пепе Аурелио.

- Мигель, ты едешь в "Клаб де Пескадорес"?- спросил Пепе.

- Да. Надо же когда-нибудь выиграть у старика Рамиреса.

- Прежде чем ехать на границу, я хотел сказать тебе важное, Пепе подошел вплотную к Санчесу.- Ни я, ни Диас... в общем мы не верим Лопесу.

Санчес укоризненно посмотрел на Пепе:

- Нельзя поддаваться ощущениям. Вест Пойнт ни о чем не говорит! Хуан Мануэль получил образование в Бонне, нельзя же из-за этого и его подозревать в тайных связях... Шеф общественной безопасности, преданный Санчесу, восторженно его любивший, вынужден был пойти на маневр: Лопес почему-то сопротивляется назначению Диаса нач.ген.штаба. Диас имеет опыт штабной школы, он и в моем министерстве просидел три месяца на разведке; ситуация такова, что рядом с Лопесом должен быть человек, понимаешь, человек-координатор.

Санчес досадливо заметил:

- Ты действительно не любишь Лопеса... Это твое право, но надо уметь скрывать свои симпатии и антипатии во имя общего

дела, которое невозможно без единства... И потом, не сердись, Пепе, шизофрения начинается с бестактности... Я порою восторгаюсь выдержкой майора Лопеса, когда ты - не называя, конечно же, по имени - обвиняешь его во всех смертных грехах...

- Хорошо, полковник, я обещаю тебе посетить психиатра, и если доктор скажет, что я - шизофреник, то завтра же попрошу об отставке. Но перед тем, как уйти в отставку, я передам, полковник, ряд неподтвержденных агентурных данных о том, что Лопес проявляет весьма подозрительную активность в тех кругах, где наиболее мощные плантации какао-бобов, и что он дважды встречался с личностями, которые находятся под подозрением по поводу тайных контактов с "дипломатами" из американского посольства.

- Не горячись, дружище!- Санчес обнял Пепе и отвел его в угол комнаты.- Если уж быть совсем откровенным, у меня есть тревожные данные об активности Лопеса. Я их получил непосредственно от Леопольдо Грацио.

- Но... - Санчес поднял палец.- Но,- повторил он, - мы, как честные люди, должны иметь неопровержимые улики...Ведь не исключена и провокация?

- Нет ничего проще погубить наше движение, как посеять семена вражды между теми, кто составляет костяк руководства. Воистину справедливо сказано было: всякое царство, разделенное внутренней враждой, обращается в пустыню и дом на дом падает.

Санчес вышел во двор. Навстречу ему подошел Жорденас и в полушутливой форме доложил:

- Начальник личной охраны президента майор Жарденас!

– Это заметно и без доклада, судя по пушке, которую ты нацепил,– улыбнулся Санчес и похлопал Карденаса по маузеру на боку.

– Слушай, майор, давай поедем на "Альфа Ромео", но не бери ты этих молодцов, право же! Если меня захотят шлепнуть – то шлепнут!

Карденас пожал плечами:

– Добейся отмены решения правительства...

...В машине, прикрепившись ремнем безопасности, Санчес усмешливо посмотрел на Карденаса, который передвинул маузер на колени, заметив:

– ~~Дружище, неужели ты вправду~~ Считаешь, что твоя штука может гарантировать ~~[illegible]~~ жизнь, если кто-то захочет ее у нас отнять?

– Конечно нет,– ответил Карденас.– Мы все живем в мире приспособлений, как артисты. ~~Тем не менее,~~ Но так мне спокойнее, ~~хотя я понимаю, что никакой маузер нас не спасет, если из-за угла снова выскочат два погодяя со шмайсерами.~~

Машина выехала за ворота.

– Ты у старика Рамиреса когда-нибудь выигрывал?– спросил Санчес, поворачивая круто руль.

– Нет ~~никогда~~.

– Я тоже. ~~Ему~~ 69 лет, ~~и я думаю, неужели так никогда у него не выиграю?~~ Рука трясется, ~~двигается вокруг стола с трудом,~~ но когда дело доходит до удара – глаз бесенеет, рука становится твердой, даже морщины расходятся... ~~А историю его жизни в России~~ ты не знаешь?

Карденас покачал головой.

– Это замечательная история: в молодости, семнадцатилетним палубным матросом, Рамирес ходил на кораблях в Европу, крепко

перепил в Петербурге, отстал от экипажа и год прожил, помирая от промозглого холода, спас его трактирщик Влас Сурников, оставил посудомоем, и учителем испанского языка для своих детей сыновей. Те однажды притащили Рамиреса в бильярдный зал, дали кий в руки и на удивление всем - матрос начал класть такие шары, что все только диву давались. Так молодой испанец подкопил денег, нанялся на корабль и вернулся домой.

В баре "Эль Водегон" посетителей было мало.

Рядом со стойкой, на возвышении сидел молодой человек и играл что-то на гитаре. За одним из столиков сидели Орланцо Негро и Хорст, человек, с которым Орланцо встречался регулярно два раза в месяц.

- Этот хлыщ и есть Пепе Рамирес?- спросил Хорст и кивнул головой в сторону гитариста.

- Да, это племянник маркера Рамиреса.

- И как?- поинтересовался Хорст.

- Работал.

- Если все пойдет по плану, сообщи мне.

Гитарист кончил играть. Раздались жидкие аплодисменты. Пепе встал и направился к столику Орланцо.

- Я пошел,- сказал Хорст,- рассчитаешься за меня.

Орланцо кивнул головой и, повернувшись к Пепе поаплодировал.

- Твое дело гитара и песня,- сказал он Пепе и налил ему виски. - Еще раз тебе говорю: время звезд кино кончилось. Настали времена хроники. Звездой экрана и сцены можно стать, совершив нечто такое, о чем заговорит мир.-Пепе на это кивнул.

- А что, по-твоему, может заинтересовать мир?

Орландо ответил:

- Ну, не знаю... Человек входит в клетку к львам, выпрыгивает из самолета, терпящего катастрофу и спасается, лезет в пылающий вулкан или участвует в заключительном акте революции, когда герой устраняет тирана. - Орландо увидел страх в глазах Пепе. Тот спросил, понизив голос:

- Какого тирана ты имеешь в виду? Какого тирана?! - переспросил он. Не считаешь ли ты нашего Салчоса тираном? Он друг моего деда, а дед не стал бы дружить с тираном.

- Салчос не тиран, смешно и говорить об этом, а вот ты - дурак. Используй это знакомство, он подтолкнет тебя коленом под зад на сцену. Я дам тебе двух лучших гитаристов из Мексики, подготовь номер, и попроси деда сделать так, чтобы тебя послушал сам премьер. Об этом через час узнают по телевидению, послезавтра ты выступишь солистом в ночной программе.

(своих друзей

Барри Линтон прогуливался по дорожке парка ~~и вел под уздцы лошадь~~. Рядом с ним шел его секретарь, отвечающий за биржевые операции.

- Наш департамент конторы обработал информацию о том, что люди Леопольда Грилло начали игру на понижение курса акций какао-бобов,- сказал он.- Сообщили также,- продолжал секретарь,- в правительстве Гарсиаса наметилась тенденция к расколу в руководстве и министр обороны, сорокалетний Армандо Лопес, закончивший Вест-Пойнт, дважды негласно встречался с американскими дипломатами.

– Ну, кроме этого надо выяснить, отчего Леопольдо Грацио начал игру на понижение акций никель-бобон именно после прихода к власти военных в Парадизо,– сказал задумчиво Дигон.– Затем надо внешнеполитическому отделу нашего концерна выяснить существуют ли сейчас авторитетные политики, которые смогут обеспечить встречу с министром обороны – и самое ближайшее время, желательно на нейтральной территории; в случае же, если это может бросить тень на майора Арчибальдо Лопеса, следует срочно купить какой-нибудь дом в Парадизо, на берегу океана – ничего выдающегося, допустим, пятнадцать комнат от силы, не более двадцати акров земли, невзначай превысить внимание левой прессы, и пригласить, среди прочих, на новоселье этого самого майора Лопеса.

На балконе загородного дома стояли внучка Дигона и помощник государственного секретаря Пол Гоу. Они облокотились на перила и смотрели в парк. Из-за деревьев появился Дигон с собакой и секретарь.

– Моему деду уже семьдесят семь,– сказала внучка,– но все свои важные дела по-прежнему ведет сам, не перепоручая даже самым близким.

– Мой брат всегда восхищается его умом и памятью. Возможно, вы его видели? Внучка отрицательно покачала головой.– Он директор филиала треста Дигона в Швейцарии. Курирует интересы концерна на биржах Цюриха, Антверпена, Франкфурта-на-Майне... Да и я с вашим дедом в самых доверительных отношениях,– улыбнулся Гоу.

Дигон медленно помахал рукой.

- Только для приятного Дигги,- сказала внучка и побежала вниз.

~~Они добежали до Дигона, нашли лишь и долго простояли в садике.~~

Дигон и Гоу сидели за сервированным столом, на веранде.

- Мой психотерапевт,- сказал Дигон, рассеянно поглядев на официанта, стоящего возле их стола,- мистер Гарольд Ли-Чжу утверждает, что Александр Македонский был убит совершенно поразительным образом...

- Сколько я помню латынь, он умер от лихорадки,- возразил Гоу.

- Я закажу вам спаржу,- пожевав губами, сказал Дигон,- и телячье филе, это готовят специально для меня по венскому рецепту.

- Прекрасно,- откликнулся Гоу,- по-моему прекрасно.

- По-моему, тоже,- сказал Дигон.- Что же касается латыни, которую мы изучали в колледже, то в этой книге битвы отражается все несовершенство нашего мира, его н е п о с п е в а е м о с т ь за парящей устремлённостью знания..."Антика, антика, нет ничего мудрее античных!". Глупцы. Прошло время, и античку рассчитали на компьютерах. Установили с абсолютной точностью, что в высоком священном храме жрецы предложили Македонскому "приблизиться к богам". Тот, ясное дело, согласился, но как это сделать? Очень просто. Следует одеть самую дорогую корону с алмазом величиною с кулак и совершить ритуальный выход ровно в полдень на площадь в самый жаркий день месяца. Великий полководец прошел с алмазной короной по пеклу, по лицу его струился пот, щеки покрылись бледностью. Вернувшись на родину, Македонский начал ху-

чаться галошными болями и вскорости умер. В чем дело? Да в том, что враги сожгли ему кинотеатрус... Или гипофиза, я путаюсь в медицинских обозначениях. Никакого знака колотого ранения, а человек, тем не менее, убит... Месть побежденных. Адам фокусирует полуденную энергию солнца, чрезмерное тепло делает свое страшное дело...Кстати, этот же доктор рассказывал мне, что исследователи превращают баранов-производителей в кастратов, надевая им на яйца теплые мешочки, ледяные ванны, наоборот, способствуют нормальному увеличению мужественности...

Гоу усмехнулся:

– У меня нет личного гороскопа, Берри, поэтому я лишен той информации, которой владеете вы, однако же моя догадка, то есть интуиция, позволяет мне прокомментировать историю об убийстве Македонского несколько иначе. Если согласиться с тем, что мы рождены под определенными планетами – согласиться на правомочие астрологии для тех, кто согласен в нее верить, тогда следует вспомнить историю про то, как астролог, живший при дворе матери великого завоевателя, молил ее, рожавшую Македонского, потерпеть еще пятнадцать минут, всего лишь пятнадцать, и тот, который идет на свет из твоего чрева, станет властелином земли! Но природа неподвластна женщине. Александр родился в свой срок и жрец предсказал, что мальчик завоюет только полмира и умрет в возрасте тридцати трех лет, и царство его распадется, лишь только он испустит последний дух. Случилось именно так...

– Значит,по-вашему,– сказал Лагоп, пододвигая к себе тарелку со спаржей,– прогулка по пляжу с королевой-лаперон была предопределена свыше? Как и заболевание Адама?

– А это – на ваше усмотрение,– ответил Гоу и добавил:–

Спаржа действительно отлична, и действует на мужчин так же эффективно, как ледяные коктейли на солнечных берегах...

– В таком случае, я отложу новый вопрос на ваше усмотрение, Пол... Вопрос из другой области: что будет определять будущее министра обороны Гариваса майора Лопеса – привязанность к астрологии или же месть кретинов?

– Какого рода кретинов вы имеете в виду, Барри?

– Мне любопытны все те кретины, которые входят в поле вашего интереса.

– Чем дальше, тем больше мы, дипломаты, стремимся к тому, чтобы говорить откровенно, Барри. Вы недостаточно четко формулируете вопрос. Вас интересует моя точка зрения на отношения Лопеса с [illegible] Санчесом? Или же вам хочется узнать мое мнение на перспективу вашего присутствия в Гаривасе?

– Меня интересует все. В частности, мне любопытно ваше отношение к активности наших европейских союзников в Гаривасе.

– Кого вы имеете в виду?

– Концерн и банк Леопольдо Грацио.

– Это хороший вопрос, Барри. Новая информация об активности Грацио в Гаривасе недавно пришла к нам, он ставит на Санчеса, это выгодно западноевропейской тенденции, однако я не думаю, что Грацио добьется успеха: как-никак, Гаривас находится в непосредственной близости от наших границ, а не от европейских, поэтому разумнее ставить на майора Лопеса, кровь есть кровь, тем более он говорит по-английски, как мы с вами, традиции Вест-Пойнта и все такое прочее...

– Он – надежный человек?

– Задайте этот вопрос вашим друзьям из ЦРУ, мне, как дип-

логично, интересуют тенденции и возможности: они же, по Ленину, в первую очередь интересуются личностями, носителями тенденций...

- Не грех бы и вам не разделять тенденцию и личность,- заметил Диксон.- Это, в конечном счете, нераздельно. Если бы я лично был заинтересован в личности, а не тенденции, я бы занялся им.

- Нас касается, младшего брата,- то есть всю нашу семью,- должна интересовать именно личность майора Лопеса, мой дорогой Пол. От того, куда он пойдет, этот загадочный майор,- зависит успех моего дела, а это значит - дивиденды младшего брата...

Пол Гоу отодвинул тарелку с мягким телячьим мясом, зажму-ренно вытер губы, и ответил:

- Я бы поставил на майора Лопеса. Так бы, во всяком слу-чае, я посоветовал поступить брату, если он решил поиграть на бирже.

- А что ему играть на бирже? В Гарлиссе есть немного кау-чука, и я д и на нефть, серебро, бананы и какао-бобы. На что нам играть вместе нашим братом?

Пол Гоу рассеянно взглянул на кофе, поставленный перед ним, и ответил, когда тот отошел:

- По моим данным, не до конца проверенным,- майор Лопес через подставных лиц скупает плантации какао-бобов...Особенно в тех районах, где отмечается формирование группировок, которых нынешний режим называет крайне правыми.

- Откуда у этого майора деньги?

- А он - рискует, Ларри, он занял ссуду на год...Опять-таки, не он лично, кто именно и где - я не знаю, но по слухам ссуду ему открыл один из наших банков.

- Какой именно?- спросил Дигон.- Видимо, это имеет ваш посол?

- Гарри, я люблю моего брата, который служит вам, и очень хочу, чтобы он получил лишних пару сотен тысяч долларов, но я не могу делиться с вами сверхсекретной информацией...

- Красиво выкрутился,- Дигон засмеялся,- знает, как себя подавать, молодец!

Вашингтон.

Часы на стене показывают четыре часа.

- В шесть часов я должен быть в Нью-Йорке,- сказал Майкл Тэлли в селектор,- вертолет домчит минут сорок?

- Сорок семь!- ответил голос.

- Времени хватает. Прошу последние сводки о Гарсиасе.

- Сейчас, сэр.

Дверь открылась, вошел сотрудник с папкой.

- Последние донесения из Гвианы. Там интересно работает совсем еще молодой парень Пит,- сказал он.

- Чудесно.

В 14 часов 45 минут Пит сообщил:" Предстоящая конференция в Гвиане потребовала меня предпринять ряд срочных мер, особенно после того, как я получил информацию, что официальный представитель нынешнего режима Гарсиаса примет участие в ее работе в качестве наблюдателя. Агент "Старый", работающий на телевидении, получил ряд материалов, компрометирующих полковника Мигеля Санчеса. Эти материалы были переданы мне, но не выдерживали никакой критики в силу их примитивности и недоказанности. Я подключил к переработке материалов моего агента из газеты

"Уолл Стрит", либо "тайные связи" полковника Санчеса с режимом Кастро кажутся вполне правдоподобными; хорошо прозвучит история про то, как Санчес не пожалел снасти своего друга во время рыбалки на акул в океане, и его друг(профессор Кармона) погиб в пасти хищника; есть также показания девушки, обвиняющей полковника Санчеса в покушении на ее добропорядочность. Я предложил бы добавить еще один эпизод: агентуре, работающей в среде левых профсоюзов, организовать историю о том, что некий Мигель Санчес из Гариваса, еще десять лет назад ездил в Прагу и Улан-Батор за средствами, не заявленные финансово-контрольным органам; следовательно, эти средства не что иное, как деньги КГБ или ПГУ, хотя я порекомендовал бы допустить версию " кубинской черной валюты".

В 15 часов 05 минут Эдвин Пат передал:

" ~~Мой агент в посольстве Гариваса сообщил,~~ что начальник генерального штаба полковник Диас, весьма близкий к премьеру Мигелю Санчесу, находится в крайне натянутых отношениях с министром обороны майором Лопесом. Предполагают, что это происходит постольку, поскольку в новом кабинете не все верят Лопесу, получившему образование в Вест-Пойнте. Пока что Санчес сохраняет видимость единства кабинета, но я предполагаю начать в здешней прессе кампанию против начальника генерального штаба Диаса, обвинив его в тайных связях с "американским империализмом" и в заговоре, который он начал с целью свергнуть полковника Санчеса, опасаясь, что чрезмерный либерализм гаривасского лидера может ввергнуть республику в гражданскую войну.

Представилась возможность выйти на один из контактов майора Лопеса, связанных с его операциями по перекупке на фиктивные имена плантаций какао-бобов, однако контакт требует пятьдесят

тысяч долларов в качестве аванса, объяснив это условие крайним риском всей операции агент полагает, что информация, которой он снабдит нас, позволит провести конспиративную встречу с майором Лэнсоном и установить с ним деловые отношения. Жду указаний".

Майкл Вэлш пожал плечами, откинулся на спинку кресла.

- Пожалуйста, передайте в шифровальный отдел, что я согласен с предложением Пата, мы переведем ему десять тысяч баков,- десять,а не пятьдесят, сегодня же. Это первое. Теперь второе: я вылетаю через пятнадцать минут, сообщите в Нью-Йорк, в наше бюро. И - третье: меня интересуют имена всех людей, которые соприкасались с министром обороны майором Лэнсоном в ту пору, когда он учился у нас в Вест-Пойнте. Это все.

В шесть часов вертолет Майкла Вэлша приземлился на плоской крыше небоскреба.

... Дигон приехал в подземный гараж, там его машина была погружена в автолифт и поднята на семьдесят девятый этаж. Возле лифта его встретил Вэлш.

Вэлш пригласил Дигона устроиться в мягком кресле поблизости.

- Отсюда вам будет сподручнее знакомиться с нашими материалами, мистер Дигон,- сказал Вэлш.- Я усадил вас в кресло директора, а он любит комфорт.

-Готов поступиться комфортом во имя надежности,- заметил Дигон. - Нас будут прослушивать, мистер Вэлш?

- Нет, здесь только выдают информацию.

- Я сформулирую предмет моего интереса как можно короче.

- Я в курсе, мистер Дигон.

- Нет, мистер Вэлш, вы в курсе того, о чем вас информирова-

ли мои помощники... Я им доверяю и люблю их, но они - это они, а я - это я. Дело в том, что Гаривас меня интересует не только потому, что я не хочу, как и всякий патриот Штатов, повторения Кубы или Никарагуа, но и оттого, что я принципиально озабочен деятельностью Леопольдо Грацио. Именно поэтому я и попросил моих людей устроить нам встречу.

- Но они ничего не сказали мне о Леопольдо Грацио.- Волш удивленно пожал плечами.- Я понял их в том смысле, что объектом вашего интереса являются плантации бобов какао в Гаривасе, мера стабильности нынешнего режима, угроза национализации или социализации, персоналии, которые могут оказаться полезными вашему предприятию... Я понял ваших коллег именно таким образом.

Дигон улыбнулся:

- Я же сказал вам: они - это они, а я - это я...Убежден, что телефонные разговоры моей корпорации фиксируются аппаратом ФБР, оттуда вполне возможна утечка информации, она, впрочем, возможна и в моем, увы, штабе... Поэтому главное - я открываю вам. Одному. И никому более.

Волш нажал на одну из кнопок пульта: пророкотал низкий бас из двух динамиков, укрепленных где-то под потолком:

- Центральный пункт информации слушает.

- Меня интересуют данные по Леопольдо Грацио, финансисту.

- Центральный пункт информации настаивает на том, чтобы вы назвали свой пароль и номер удостоверения.

- Тридцать восемь - восемьдесят семь, номер карточки девять тысяч один, дробь кэй даблью.

- Благодарю вас,- пророкотал низкий бас, и на стене, как раз напротив кресла, где расположился Дигон, появилось изобра-

сение Леопольдо Грацио: высокий, чуть располневший мужчина с ослепительной улыбкой, в строгом черном костюме. - Приблизительная стоимость акций, скупленных его фирмами в последние месяцы,- начал рокотать бас еще в более низком регистре,- исчисляется в сто семьдесят миллионов долларов; близок к концерну Шинца, владеет контрольным пакетом акций в фирме "Грацио корпорейшн", стоимость которых равна двумстам сорока миллионам долларов; особая активность его представителей зафиксирована за последние месяцы в Гаривасе, Бразилии и Эквадоре. В Гаривасе он поставлял на какао-бобы, скупая акции "Фрут компани" на биржах Лондона, Гонконга, Амстердама и Франкфурта. Вел две беседы с премьер-министром Гаривасы полковником Мигелем Санчесом, предложил заем в сто миллионов долларов для реализации проекта единой энергосистемы в стране - после того, как какао-бобы завоюют мировой рынок.

Рокочущий бас продолжал выдавать бесстрастную информацию.

- Оперативные данные о Леопольдо Грацио: скромен на публике, порочен до определенной меры, к гомосексуализму, группосексу не склонен, имеет двух любовниц, Мадлен Роша в Париже, Ру Тильвант, семь, и Анжелику Фор, Бад Годесберг-Эссен, Ауф дем Коллентоф, тридцать два; по итальянским законам не имеет права на развод, платит своей жене фрау фон Варецки, с которой не живет уже двенадцать лет, сорок пять тысяч долларов на содержание, азартным играм не привержен, упрям в достижении цели, внутренне одинок, ценит ласку, к попытке подвести к нему нашего агента "Шур" отнесся подозрительно, в прошлом поддерживал деловые связи с представителями марсельской и палермской мафии через некоего "Гастона", предположительно Ива Гоньбу, проживающего в

Мюнхене; его дилерами на бирже Цюриха являются Хуан Бланко и Бенджамин Уфер, сам он никогда в зале бирж не появляется, во время кризисных ситуаций, как правило, находится на борту своего самолета, откуда держит постоянную связь с дилерами; из концернов США в связях с ним зафиксирована группа Моргана, однако попытка использования его в интересах концерна успехом не увенчалась; можно полагать, что он относится к числу финансистов "новой волны", которые полагают разумным развитие связей не только с представителями националистических режимов, но и с социалистическими странами, поскольку это, по словам гамбургской журналистки Марк Кроне взявшей интервью у Грацио, "угодно европейской тенденции, а она весьма условно делима на "западную" и "восточную", да и то чаще всего в идеологической сфере; что же касается экономики, то Европа не может не быть единым организмом"...

- Хватит,- сказал Дигон,- это самое важное. Что известно о его контактах с Кремлем?

Вэлш закурил, вместо него пророкотал низкий бас:

-Зафиксирован факт переговоров фирмы "Петролеум индастри" с Внешторгбанком России по поводу совместного проекта; работа экспертов продолжается, Грацио имеет одиннадцать процентов акций "Петролеум".

- Пусть он теперь не слушает нас,- сказал Дигон Вэлшу,- поблагодарите его,и пусть отключится...

- Так, хорошо, теперь ответьте мне: как долго вы намерены терпеть этого самого полковника Санчеса? Если нет, то существует ли у вас ему замена, и опасно ли возможное развитие ситуации, сумей Леопольдо Грацио закрепить там свои позиции?

- Существует девять вариантов, разработанных,- зарокотал было бас, но Волш живо нажал на одну из кнопок, и на втором экране, вмонтированном в стену, начали тревожно зажигаться "не отвечать!".

- У нас есть кое-какие соображения, мистер Дигон, нас не может не тревожить политика полковника Санчеса, хотя у вас нет реальных доказательств его связей с Кремлем или Кастро...Пока-луй что, мы готовы будем помочь вам информацией, если вы решите поставить на здравомыслящих элементов в Гаривасе...В первую очередь я имею в виду майора Лопеса, министра обороны...

- По поводу этого самого министра Лопеса тоже будет " не отвечать!". Или какими-то сведениями об этом парне вы можете поделиться?

- Мы им очень дорожим, мистер Дигон, поэтому я готов дать вам лишь строго дозированную информацию в случае, если вы решитесь на прямой контакт с Лопесом, и он пойдет на этот контакт. И открою вам то, что пока обязан остаться высшей тайной.

- Спасибо, мистер Волш, я тронут вашей откровенностью, мне хотелось бы увидеться с вами после того, как я проговорю мои планы с майором Лопесом, не возражаете?

- Мои коллеги заинтересованы в том не меньше вас, мистер Дигон, несмотря на то, что это не затрагивает их финансовые интересы...

Дигон усмехнулся:

- А вы покупайте акции моей дочерней фирмы "Континентал фуд индастри", именно она станет играть на понижение стоимости акций какао-бобов Гаривасо...Тогда вы, в случае удачи предприя-

тия, на доллар получите не меньше пяти. Спасибо за то, что нашли для старика время...

Шифровальщик стоял в кабинете директора и читал телеграмму:

" Директору Центрального разведывательного управления.

Подлежит расшифровке в аппарате Директора.

Докладывается лично Директору.

Совершенно секретно.

Агент "Иозеф" передал вчера документацию о том, что на биржах Лондона, Антверпена, Женевы и Гонконга возможен, в течение ближайших месяцев, бум, связанный с атакой на цены акций бобов какао, что следует расценивать, как удар по режиму лидера Гаривваса полковника Санчеса.

По неподтвержденным еще сведениям, полученным "Иозефом" от его контакта с "Андре" в Цюрихе, за этой акцией угадываются интересы концерна Дигона. Однако "Андре" предполагает, что не один лишь Дигон заинтересован в устранении Санчеса для того,

чтобы во время хаоса, последующего за этим, укрепить свои позиции в Гаривасе. В связи с предстоящими событиями трижды было упомянуто имя "Майкла Вэлша".

"Ульрих".

- Срочно, зашифровать запрос "Ульриху",- сказал директор,- какие, предположительно, цены будут на акции бобов какао во время кризисной ситуации в Гаривасе, кто получит профит в случае, если обстоятельства будут развиваться так, как это угодно заинтересованному концерну, каковы уязвимые на бирже комбинации и кто возьмет сверхприбыль, если ситуация станет развиваться не

в том направлении, которое было запланировано. Все, спасибо,- директор нажал кнопку селектора.

- Майкл, зайдите ко мне.

Когда Майкл Белш зашел в кабинет, директор разливал в чашечки кофе. Одну из них он подал Вэлшу, спросил:

- Какие новости в Азии, Центральной Америке?

- Никаких особо секретных событий в ближайшие часы там по моим сведениям, не предвидится. Есть информация из Камра о возможных перестановках в Египетском кабинете.

- Нет ли сведений с ведущих бирж, которые могли бы привлечь внимание?- осторожно спросил директор.

- Никаких тревожных симптомов агентура не зарегистрировала,- ответил Вэлш.

На днях служба ликвидила французского резидента в Брюсселе. Наш сотрудник Фрэнк По, который был задействован в этой операции проявил себя блистательно.

- Он не родственник Эдгара По?- спросил директор.

- Мне как-то не приходила в голову возможность такого родства,- улыбнулся Вэлш.- Но я обязательно попрошу навести справки

- Было бы славно, окажись он каким-нибудь правнуком родоначальника нашей детективной литературы... Мы бы могли это обыграть.

- После его выхода на пенсию...

- Ради такого дела мы бы его рассекретили, пусть выступает в телевизионных шоу... Вполне могли бы придумать ему пару-тройку подвигов в Кампучии или Гаривасе.

- Кстати, о Гаривасе,- заметил Вэлш.- У меня есть всякого

рода любопытные наметки, я как-то говорил вас, но я не хотел бы мучить вас подробностями...

- Почему?- директор пожал плечами.- Это даже приятно,- когда вы меня мучаете подробностями, я - дилетант, а вы профессионал, есть чему поучиться.

Вэлш не ждал, что директор так ответит ему, поэтому он начал говорить медленно, взвешивая каждое слово, стараясь в паузах обдумать несколько позиций вперед.

- Санчес есть Санчес, он не нуждается в комментариях...Тот "вариант", который я визировал, предполагает начало кризисной ситуации в декабре этого года, когда правительству Гариваса придется пойти на частичное повышение цен после получения займа от европейского концерна Грацио... Авторы "варианта" исходят из того, что заем все-таки будет получен, и работа по энергопроекту начнет раскручиваться... Поскольку люди там стояли в стороне от машинной цивилизации, городского рабочего класса практически нет, в основном сельскохозяйственные арендаторы и мелкие предприниматели, занятые в сфере сервиса, можно предполагать срыв графиков строительства, порчу оборудования, весьма дорогостоящего, естественно: начнется ломка привычного уклада спокойствия, возникнет недовольство среднего элемента, возникнут экономические неурядицы, правительство разобьется на две группы, правое крыло, видимо, возглавит министр энергетики и планирования дипломированный инженер Энрике Прадо, который войдет в блок с Лопесом, у нас есть возможность помочь созданию такого блока; на левом крыле будет начальник генерального штаба Диас, Санчес будет стараться балансировать, но сектор проработал возможность создания

кризисной ситуации, выход из нее наиболее вероятен в проведении плебисцита, который кончится либо переходом власти к Энрико Прадо, это мирный пассаж, либо же, в случае возможном перевесе сил влево, майор Лопес захватит дворец, став президентом; кресло премьера будет передано Прадо...

Директор принес виски, два стакана, банку со льдом, соленый миндаль, заметив:

- Я в общем-то помню этот вариант, Майкл...Вы говорили о любопытных наметках... Я думал, вы привезли мне что-либо новое...

- Резидентура сообщает о повышении интереса Барри Дигона к событиям в Гаривасе... Причем, и это довольно занятно, его люди словно бы идут по нашим следам...

- Вы допускаете утечку информации?

Директор улыбнулся:

- Значит, Дигон и его люди так же умны, как наши сотрудники...Что вы предлагаете?

- Мне бы казалось целесообразным присмотреться к активности мистера Дигона... Может быть, его действия в Гаривасе каким-то образом подтолкнут развитие ситуации в угодном нам направлении, убыстрят процесс. Я не знаком со всеми вариантами, но, полагаю, среди них есть и такие, которые рассчитывают начало кризиса не на декабрь, а на более ранний период...

Директор, однако, не ответил так, как хотел Волш, он не сказал, как хотелось бы, что, мол, ознакомьтесь со всеми вариантами, подумайте, что можно сделать, почему бы нет... Он смотрел в стакан с виски своими водянистыми, пронзительными глазами и молчал,тяжело и, как показалось Волшу, настороженно.

- Или вы полагаете, что в нынешней ситуации наиболее целе-

сообразно ждать?- не выдержав паузы, спросил Вэлш.

Он не мог и не имел права говорить сейчас о своем контакте с Дигоном, потому что за этим сразу же прочитался бы его личный интерес; он обязан был вынудить директора подтолкнуть его к такого рода контакту или хотя бы высказаться в том смысле, чтобы потом его слова можно было толковать, как санкцию на действия.

- И чту диалектику,- откликнулся наконец директор.- Когда целесообразно ждать, надо ждать, если возникает необходимость форсировать события, что ж, надо форсировать...

- Активность Дигона, мне сдается, может форсировать ситуацию в Гаривасе... Естественно, в нашу пользу...

...Все это время директор ждал, что Вэлш скажет о контакте с Дигоном, объяснит свой замысел, и тогда вопрос о тревожной телеграмме "Ульриха" решится сам собою, однако первый заместитель, ас разведки, лучший профессионал управления, молчал, более того, он хитрил, и чем дальше он хитрил, тем яснее становилась директору та задача, которую Вэлш намеревался решить.

- Вы хотите просить у меня санкции на какие-то действия?- спросил наконец директор.- На какие именно?

- Если бы вы посчитали возможным позволить мне встречу с Дигоном для того, чтобы просчитать возможность использования его людей в Гаривасе, я думаю, это ничем бы не помешало нам в будущем.

- Вы с ним вообще-то знакомы?

Столь прямого вопроса Вэлш не ждал, поэтому ответил не сразу, несколько заторможенно:

- Мы встречались пару раз на коктейлях...

Директор выпил свой стакан до конца, понял, что Белл лжет ему. Что ж, у него, в этом случае, развязаны руки, он получил право на поступок, и пусть потом никто не обвиняет его в провокации.

Да, он ведет свою игру, подумал директор, угощая Белла сигарой, он не хочет делиться идеей даже со мной, я уж не говорю об администрации, что ж, пусть пеняет на себя...

После этого директор отправился на встречу со специальным помощником Президента, показал ему расшифрованные телеграммы и в течение двух часов разрабатывал план предстоящих мероприятий в связи со вновь открывшимися обстоятельствами, которые заключались в том, что Майкл Белл предпринимал такого рода внешнеполитические шаги, которые он не имел права предпринимать без санкции Белого Дома, на худой конец - директора.

Через двадцать минут после того, как директор уехал, помощник Президента пригласил к себе старого друга Роберта Пара, ведущего специалиста по биржевым операциям, ознакомил его с сообщениями, оставленными ему шефом ЦРУ, и попросил, соблюдая абсолютнейшую конспирацию, просчитать возможные ходы, позволяющие поставить на такого рода акции, которые принесут максимальную прибыль тем, кто решит поиграть, вложив свои деньги в эту рискованную комбинацию.

Через сорок минут после того, как помощник Президента

попрощался со своим другом, к нему приехал директор ФБР.

Вернувшись к себе поздно вечером, директор ФБР пригласил двух самых доверенных сотрудников и поручил им в течение сегодняшней же ночи, разработать план операции, цель которой заключалась в том, чтобы организовать тотальное наблюдение за Майклом Вэлшем.

Прием был устроен на большом английском газоне перед домом Дигона в Сарагоса де Вилья. Пальмы и фасад дома подсвечивали дневным светом, ночь поэтому казалась нереальной. Дигон, как всегда, был в своем скромном черном костюме.

...Когда посол подвел его к министру обороны, когда они обменялись насторожённым рукопожатием, крепкий, словно обитень, майор Лопес рублено отчеканил:

- Наша революция против рабовладельчества, но ваш дом отмечен печатью достоинства. Рад чести засвидетельствовать свое уважение, мистер Дигон, и выразить надежду на то, что вы не только поправите здоровье в благодатном климате Гавриаса, но и подумаете на досуге, какую помощь можно оказать республике, развивающейся ныне столь динамично.

Возле майора стоял высокий, жилистый, холодноглазый полковник, начальник генерального штаба Диас. Дигон сразу же вспомнил то, что сказал ему о Диасе Майкл Вэлш, поэтому Дигон чопорно поклонился майору и ответил:

- Хотя я, не скрою, являюсь противником любой революции, кроме американской, но, тем не менее, господин министр, меня воодушевляет динамика вашего развития и то чувство стабильнос-

ти, которое я здесь ощущаю... Не вижу поэтому оснований для того, чтобы хоть в какой-то мере бойкотировать деятельность вашего министерства финансов... Думаю, коллеги по наблюдательному совету нашего концерна поддержат мое предложение пойти навстречу вашим предложениям...

- Ну что ж,- сухо усмехнулся майор Лопес,- если они поддержат вас и ссудят нас займом, республика позволит им жить здесь, у нас, на берегу, так, как они того захотят...В роскоши - так в роскоши...

Дигон пожевал губами:

- В какой-то книжке я прочитал любопытный анекдот о моем юном друге Дэйве Рокфеллере...Будто бы он вспомнил, что в одной из соседних с вами стран его дед купил пару миль хорошего пляжа и дворец восемнадцатого века... Дейв отправил туда несколько своих помощников - цент любит счет, с него начинается доллар...

Лопес резко заметил:

- Две мили нашего побережья меряют не центом, а миллионами...

- Для Рокфеллера миллион и есть цент,- улыбнулся Дигон и продолжил: - Так вот, его люди прилетели на двух вертолетах, увидали причудливый замок, пальмы на песчаном берегу, банановые рощи, вызвали управляющего и сказали:" Через неделю сюда приедет больной босс. Поэтому, пожалуйста, снесите этот помпезный замок, мы пришлем сюда строителей и они сделают небольшой двухэтажный коттедж с хорошим бассейном, бомбоубежищем и радиоцентром; босс не любит пальм, надо засадить два километра крымской сосной. Песок следует засыпать красной галькой средиземноморья, это мы доставим на самолетах... Теперь,- продолжал са-

мый доверенный помощник Рокфеллера,- какое созвездие появляется над домом, если сесть на пляже, опереться руками о землю и поднять голову?" Управляющий ответил, недоумевая: "Мне кажется, Южный крест или что-то в этом роде". А помощник, посмотрев в свою записную книжку, отрезал:"Нет, он не любит это созвездие, пожалуйста, сделайте так, чтобы над головой у него был Козерог... Через неделю прилетел Дейв, вышел из своего сверхмощного вертолета,- в поношенных белых джинсах, стоптанных кедах марки "пума" и стиранной фланелевой рубашке,- отправился на берег океана, усыпанный красной средиземноморской галькой, глубоко вдохнул сухой сосновый воздух, откликнулся на руки, задрал голову, спросил управляющего, какая звезда загорается здесь в полночь, выслушал ответ, что здесь появится Козерог, вздохнул горестно, пошел в свой небольшой двухэтажный коттедж, бросив на ходу:" Какая благодать, боже ты мой! Жить бы здесь и думать о вечности! И кому нужны эти проклятые деньги?! А мы их все делаем, делаем... Для чего?!"

Диас весело засмеялся, посол, воспользовавшись этим, взял его под руку и увлек к столику, на котором стояла бутылка с легким розовым вином. Полковник Диас понял, что его ловко понудили оставить своего министра с глазу на глаз с Дигоном; он не хотел этого; однако же, не вырываться же!?

Взяв под руку майора Лопеса, Дигон заговорил быстро, но не частя, так, чтобы каждое его слово было литым:

- Если вы сможете взять власть, и я буду точно осведомлен, когда это произойдет, вы сделаетесь самым богатым человеком Латинской Америки, ибо я знаю биржу, цену какао и понимаю силу армии.

Дигон почувствовал, как закаменела рука майора, начал:

- Детали обговорит ваш друг Луис, вы не верите ему, не так ли? Мне нужен определенный ответ, причем сейчас, здесь, иначе я продам это бунгало, и считайте, что нашего разговора не было в природе.

- Когда бы вам хотелось видеть здесь перемены?

- Через месяц, пару...

- Хорошо, я проговорю детали с Луисом.

- Тогда я пускаю в дело на бирже для начала миллионов сто, чтобы повалить цену на какао-бобы. Я должен быть уверен, что когда к власти придете вы, ваша цена будет ниже, и я выброшу на рынок скупленные акции, а вы на этом получите не менее двадцати пяти миллионов. О, кэй?

Плечо Лопеса расслабилось, мышцы правой руки сделались дряблыми и он, усмехнувшись чему-то, ответил:

- О кэй?

- Скажите Луису, куда перевести первый взнос,- закончил Дигон и, отпустив руку Лопеса, заторопился к полковнику Диасу.

В полутемном зале старомодные абажуры высвечивали изумрудное поле столов.

- Сколько даешь форы, въехо!- спросил Санчес.

- И не стыдно тебе брать у старика фору, малыш?

- Совсем не стыдно, потому что ты играешь в десять раз лучше меня.

- В семь. В семь, а не в десять. Наша партия будет стоить десять песо, о,кэй?

- О кэй.

- И дам тебе десять очков форы, сынок, и это очень много, ты стал классным игроком...

Рамирес легко подкатил шар к пирамиде, еще раз помазал кий синим мелком и сказал:

- Ну, давай...

Санчес, чуть тронув "своим" пирамиду, спросил:

- Сильно меня ругают твои аристократические гости?

- Достается,- ответил Рамирес.- И попробуй сыграть пятерку от двух бортов в угол, малыш.- Он мастерски положил шар.- Но тебя ругают слишком зло, значит ты наступаешь кому-то на пятки. Надо ли так резко? Может, как я учу тебя на пирамиде, не стоит особенно торопиться? Начнешь свои реформы попозже, когда люди поверят, что все для их же блага? Десятку себе в угол.

Наблюдая за тем, как Рамирес собирался перед ударом, Санчес ответил:

- Ты прав, нужно уметь ждать, но еще страшнее опоздать. И потом, те, которым мы наступаем на пятки, имеют возможность посещать этот прекрасный клуб, а девяносто пять процентов нашего народа даже не знает, что даже днем, в жару, здесь можно отдыхать при температуре двадцать градусов, когда кружит кондиционер и ты вправе вызвать чико, который принесет виски со льдом, или раздеться и залезть в мраморный бассейн...Если бы хоть четверть наших людей жили в мало-мальских сносных условиях, выехо, можно было бы чуть подождать, но когда нищенствует большинство, приходится наступать на пятки тем, кого не волнует судьба сограждан...

– Смотри,– вздохнул Рамирес.– Ты слишком смело машешь красной тряпкой перед мордами очень хороших быков, килограмм по пятьсот каждый, и рога у них острые, как вилы...Смотри, малыш... Послушай, Мигель, мой внук Пепе, я как-то рассказывал тебе о нем, ему тридцать лет, кроме него у меня никого не осталось. Я его в Мексику отправлял учиться на актера – ничего не вышло, хотел приучить его к биллиарду. Но он мне сказал:"Вьехо, тут надо считать и думать, а мне это скучно, я хочу просто-напросто жить". Но он неплохо поет и работает в баре "Оль Бодегон". Ты говорил в последней речи по телевидению, что намерен открыть театр для народа... Он мечтает спеть тебе несколько песен, может его примут в труппу?

– Я плохой ценитель, вьехо,– ответил Санчес, но заметив, как огорчился старик, заключил:– Пусть придет в следующий раз, пусть споет... Если мне понравится, я скажу ему честно, пусть тогда идет в театр, и, не ссылаясь на меня, запишется на конкурс.

– Когда ты приедешь ко мне в следующий раз?– спросил Рамирес.– Я бы предупредил Пепе...

– Не могу сказать, вьехо...Я бью четырнадцатого налево в угол...

Старик достал из кармана рубашки алюминиевый цилиндр, открыл его, достал толстую сигару "упмана", заметив:

– Плохо целишь, бери левее.

– Спасибо,вьехо,– ответил Санчес и красиво положил шар.– Сейчас предстоит много дел, понимаешь...Но, видимо, в пятницу я вырвусь к тебе. Или в субботу. Предупреди Пепе, чтоб ждал твоего звонка... Восемь к себе в середину.

- Не стоит. Слишком рискованный шар.

- Кто не рискует, тот не выигрывает.

- Это в политике. В биллиарде все по-другому.

Санчес промазал, рассмеялся:

- Вот я и отдохнул у тебя, вьехо.

Премьер Санчес: " Граждане министры, я позволю себе изложить ту краткую программу действий, которую я намерен, в случае, если вы ее одобрите, вынести на обсуждение нации. Я не стал раздавать текст, полагая, что будет много корректив, пожалуй, лучше размножить более или менее единый вариант. .Нет возражений?

Министр финансов: Ты намерен предложить к обсуждению статистические таблицы? Будут цифры?

Премьер Санчес: Нет, лишь общий абрис.

Директор Национального банка: Тогда, пожалуй, можно и без текста.

Премьер Санчес: Спасибо...Итак, я исхожу из той данности, что диктатура настолько искалечила людей, что нам следует в первую голову определить экономическую доктрину, ибо лишь она гарантирует надежное и, относительно, быстрое лечение нации. Ту атмосферу, праздности и ленности, которая и поныне видна повсеместно, декретом - как это стало всем нам ясно - не излечить, нужны такие стимулы, которые побудят людей к деятельности, инициативе, ответственности, предпринимательству, смелости. Полагал бы разумным, после того, как министерство финансов еще раз просчитает все резервы платежного баланса, если вы согласитесь

с моим предложением - объявить немедленное повышение заработной платы рабочим и пеонам не менее, чем на сто процентов...

Министр энергетики и планирования Прадо: Это утопия, Мигель!

Премьер Санчес: Позволь мне закончить, потом ты возразишь... Я не договорил: немедленное повышение заработной платы на сто процентов, при условии, что лентяи и демагоги подлежат увольнению, понятно, при согласовании каждого конкретного эпизода с профсоюзами и рабочим контролем. Ждать истинного творчества от тех людей, которые получают в месяц лишь столько, чтобы не умереть с голода, вот что такое утопия. Да, лишь производительность труда, ее эффективность сможет вывести нас из болота. Революция обязана гарантировать труд, требовать продуктивный труд, щедро вознаграждать за честный труд, и жестоко карать бездельников, только тогда придет национальное оздоровление. Я считаю целесообразным вынести на обсуждение законопроект, по которому рабочие и пеоны станут получать определенный процент от реализации произведенного ими продукта, чем выше прибыль предприятия, тем больше денег мы платим всем, занятым в отрасли... Раздаются голоса о создании сельских кооперативов в тех районах, где мы производим какао-бобы. Это разумные голоса, но важно, чтобы хорошее дело не обернулось во благо митингующих бездельников против хороших хозяев. Нам нужно сразу же оговорить принцип, если я, Мигель Санчес, вхожу в кооператив со своим гектаром плантаций, десятком свиней, полсотней кур, а Пепе Суарес имеет всего полгектара и трех свиней, то при распределении дохода я, Санчес, обязан получить десять процентов от прибыли, а Пепе лишь два. Необходимо доказать Пепе Суаресу, что эти два процента будут по меньшей мере в три

раза больше его нынешних ста процентов. Мы пока не вправе пойти на то, чтобы медицина, как образование, стала бесплатной... Мы еще слишком бедны, а врачи получали большие деньги при диктатуре. Мы должны сохранить их заработную плату, и правительству придется взять на себя дотацию, примерно семьдесят процентов за визит к врачу оплачивать будем мы, это даст экономию каждой семье, не очень большую, но все-таки. Мы не имеем права превратить медицину в фикцию, нищенскую за гроши доктора работать не станут, мы можем толкнуть их на путь подпольной практики, коррупции, взяточничества. Когда профсоюзы окрепнут, они смогут взять на себя все бремя бесплатного медицинского обслуживания. Мы должны пойти на то, чтобы снизить арендную плату за подвалы и чердаки тех домов, которые принадлежат муниципалитетам - пусть там открывают ателье, кафе, прачечные, бары. Мы должны объяснить мелким предпринимателям, что повышение налогов в сфере сервиса необходимо для того, чтобы строить дороги, вокзалы, аэропорты, клиники, пляжи, школы, дома для престарелых... Умеешь проявить себя, инициативен, смел, предприимчив - получай деньги, они заслужены, это не нанесет ущерба бюджету, не вызовет инфляции, заработок подтвержден товаром, которым можно приобрести в магазинах... Я бы не побоялся открыто обсудить с народом вопрос о концессиях... Естественно, лишь на определенный период, понятно, с нашим участием. Я бы не побоялся открыто сказать народу, что мы готовы субсидировать тех крестьян, которые живут на побережьи для того, чтобы они расширяли дома в целях убыстрения притока туристов; шестьдесят процентов валюты отчисляют государству, сорок берут себе. Туризм дает Испании чуть ли не четвертую часть бюджетных взносов, туризм

завязывает районы страны в общность, это - индустрия будущего... Лишь после того, как все это войдет в повседневную практику, мы должны будем перейти к следующему этапу, к изучению науки парламентской демократии, к свободным выборам, к переходу власти в руки депутатов парламента. Вот, собственно, вчерне, набросок обращения к народу...

Директор национального банка: У нас нет денег на дотации мелким предпринимателям. Мигель, у нас нет денег на то, чтобы взять на себя семьдесят процентов оплаты за визит к врачу...

Министр финансов: Я не готов к детальному обсуждению. Прости меня, Мигель... Я должен сесть за компьютер и как следует просчитать. Бюджет в ужасном положении, мы штопаем его из последних сил... Если республика не получит обещанного Леополькдо Грацио займа, мы станем банкротами. И это вопрос не отдаленного будущего, это дело недель, от силы месяцев... Я понимаю, как это неприятно слушать, но я сказал правду...

Санчес: Мы получим заём через две недели. Я только что получил шифротелеграмму от Грацио, он сообщил, что все детали отрегулированы, его поддержал "Кредит дю Женев" и "Дрезденер банк".

Министр общественной безопасности: Пепе Лурелио: Именно этого страшатся наши противники. Мигель...Если они узнают точную дату возможного соглашения, можно ждать усиления вооруженной борьбы против нас на севере. Не исключена попытка путча в столице, мы пока что держим под контролем две наиболее серьезные подпольные группы, но их активность растет угрожающе.

Министр финансов: Пора пресечь эту деятельность...Ждать - неразумно.

Пепе Лурелио: Преждевременный удар,- до той поры, пока

мы не узнаем всех участников, не спасет положения.

Министр обороны: Армия готова включиться в твою работу, Хепе.

Министр общественной безопасности: Я надеюсь на твою помощь, но еще рано, Лопес.

Министр обороны: Как бы не было поздно.

Министр энергетики и планирования:Прадо: Мигель, понимаешь... Я опасаюсь, что нас, после твоего выступления, могут начать травить, как марксистов...Северный сосед ударит во все колокола...

Министр обороны Лопес: Нам незачем оглядываться на янки, Эусебио! Мы - суверенная держава. Я бы еще более ужесточил ряд аспектов правительственной программы и, может быть, коснулся вопроса о национализации тех земель, которые были захвачены янки...

Директор радио и телевидения: Я наверное сейчас буду выглядеть довольно глупо, но я не могу согласиться с проектом Мигеля... И стану голосовать против. Наши люди только-только получили высший дар - свободу... Они, наконец, могут открыто и без страха говорить и думать, собираться на митингах..

Санчес: И треть рабочего времени сотрясают воздух словесами, красиво говорят о свободе и угрозе империализма...

Министр обороны Лопес: Но она не существует...

Санчес: Да. Но свободу можно защитить не словом, а делом, время болтовни кончилось... И не вчера, а по крайней мере полгода назад... Править - не значить заигрывать, править - значит планировать вероятие.

Директор радио и телевидения: Я не перебивал тебя, Мигель.

Санчес: Прости.

Директор радио и телевидения: Нам станет невероятно трудно работать... Если мы введем те меры, какие ты предлагаешь, нам наверняка припомнят фразу:"Революция - это когда галерка меняется местами с партером, а на сцене продолжается все тот же старый фарс"...

Министр здравоохранения: Увы, Мигель, это правда, припомнят.

Директор радио и телевидения: Если кабинет примет проект, мне не остается ничего другого, как уйти в отставку, я не могу организовать сколько-нибудь действенную пропагандистскую поддержку твоему новому курсу, жесткому курсу...

Санчес: В чем ты видишь его жесткость? В том, что мы будем требовать работы? Хорошо за нее платить? И карать, да, беспощадно карать, всех тех, кто болтает и по три часа дрыхнет после обеда?

Министр здравоохранения: Хорошо, а если первым пунктом твоей программы, как предлагает Лопес, мы обозначим немедленную национализацию всех банков, иностранных фирм и компаний? Это будет хорошо принято, под это можно подверстать жесткие пункты программы...

Санчес: Во-первых, с каких пор правда стала обозначаться, как "жесткость"? Во-вторых, кто сказал, что революция отменяет такое понятие, как "требовательность?" И, в-третьих, ты убежден, что объявив о национализации, немедленной и безусловной, мы получим тот заем, без которого нам не сдвинуться с мертвой точки? Заем позволит нам поднять экономику, построить базу неза-

висимости, а ух следом за этим мы национализируем банки и земли иностранных фирм. Первым актом правительства было объявление ревизии всех договоров иностранных фирм с нашими пеонами, мы ведь взяли под защиту пеонов, разве нет? Мы положили конец бессовестной эксплуатации, движение только тогда одержит конечную победу, если оно будет постепенным и последовательным... До тех пор, пока мы не получим энергии, достаточной для того, чтобы быть цивилизованной страной, всякая -ра-революционная фраза на самом деле будет фразой контрреволюционной...

Малкл Белш выглядел усталым, под глазами залегли темные синяки, на висках то и дело выступала испарина. Все начальники служб и управлений собрались у него в кабинете. Докладывал Вильям Аксель, шеф управления стратегических операций. Он докладывал не спеша, фразы строил без какого-либо двусмысления:

- до начала операции осталось пятнадцать дней и семь часов. Поскольку министр мистер Белш определил "корриду" как "локальный эпизод", мы работаем силами внутренней агентуры в Гаривасе, с тем, чтобы придать этому предприятию "чилийский флёр" - никакого вторжения, никаких связей с Пентагоном или Государственным департаментом, ставка лишь на своих людей. Просчитаны все вероятия неудачи. Они сведены до минимума. Однако же, в случае утечки информации, я имею в виду появление материалов о том, что Лопес проявляет интерес к плантациям какао-бобов, левые группировки начнут шумное расследование. В этом случае Лопес может придти к власти не как преемник дела Санчеса, но как диктатор, что представляется мне нецелесообразным. Деятельность Леопольдо Грацио

по-прежнему представляется нам нежелательной, ибо у него очень широкие связи в Европе, он активно играет на повышение ставок на бобы какао и крайне заинтересован в стабильности нынешнего режима Гаривасса. Он дважды предупреждал Санчеса о том, что в правительстве полковника зреет оппозиция. По нашим сведениям несколько людей из разведывательного департамента его концерна готовятся к поездке в Гаривас: мы получим подробную информацию об этом завтра в полдень. Дворец охраняют силы безопасности, верные Санчесу, штурм по этому невозможен. Скорее всего Санчес будет изолирован в "Клубе де Пескадорес" фанатиками/гитаристами/ из специальной группы, которым будет сказано, что "красные береты" из охраны дадут им возможность уйти из клуба, на пирсе их ждет сверхмощный катер. В свою очередь Лопес проинструктирует "красные береты" об особой бдительности. После того, как дело будет сделано, гитаристов изрешетят пулями, никаких следов. Что же касается термина "силы реакции",- заметил Вэлш,- то, пожалуй, разумнее заменить на "экстремистские элементы", значительно более нейтральная формулировка...Как будет устроен начальник генерального штаба Диас и министр общественной безопасности Пепе Лурелио?

- Одновременно с Санчесом. Группа Хорхе отрепетировала операцию на нашей базе пятьдесят четыре ноль три,- ответил Аксель.

- Все определится через минуту после того, как уберут полковника Санчеса,- сказал заместитель директора по сбору информации.- Сколько мы не планируем, как тщательно не выверяем детали, машина бюрократии где-то и в чем-то не срабатывает. Во всяком случае наши люди, наблюдающие за майором Лопесом, удовлетво-

рены тем, как он ведет свою партию: никакой суеты, великолепная конспирация, сдержанность и достоинство в отношении с начальником генерального штаба Диасом. Тревогу, которую объявят в частях "красных беретов", расквартированных в столице, будет замотивирована тремя взрывами пластиковых бомб - перед входом в наше консульство, в посольство Кубы и Эквадора. Взрывы запланированы за пятнадцать минут до изоляции полковника Санчеса. Какие есть уточнения или добавления к проекту "Коррида"? - спросил Болт.

Зам.директора по сбору информации достал из кармана два маленьких листочка:

- Аппаратура прослушивания, установленная нашими людьми на квартире заместителя министра финансов Гарсиаса, позволила нам записать его разговоры...Пока - ничего тревожного... Впрочем, одна фраза меня насторожила,- он заглянул в листочек,- вот она: "Я убежден, что Санчес разумнее, осторожнее и собраннее, чем о нем думают... Он отнюдь не идеалист, он очень рационален, и если он ждет, то он знает чего он ждет".

Болт посмотрел на Акселя:

- Вы говорили о вашем источнике, близком Санчесу...Что он дает?

- Убежден, что Санчес ждет какую-то крайне важную информацию от Леопольдо Грацио...

Болт посмотрел на часы:

- пусть ждет. Сколько времени ему осталось ждать?

Аксель ответил:

- Сейчас должно прийти официальное сообщение, что Грацио ушел со сцены.

- Вы убеждены, что его сотрудники не пойдут в атаку?-

впервые за все время задал вопрос зам.директора по развединформации.- По моим данным Хуан Бланко целый парень, он стоит пару десятков миллионов, он давно поставил на Сантоса, и он - испанец, человек чести, слова, и все такое...

Вэлш посмотрел на Аксэля, тот ответил:

- Сейчас еще рано проводить с ним беседу. Мы это сделаем позже, и я отчего-то убежден, в его здравомыслии. Дон Валлоне имеет на него влияние...

Зам.директора по развединформации повторил:

- По нашим сведениям Хуан Бланко целик, но мозговой трест возглавляет Бенджамин Уфер.

- Верно,- согласился Аксэль.- К нему у нас нет подходов, но суди по психологическому портрету - мы довольно тщательно его анализировали, Уфер не решится на драку. Он из породы тех, кто подпевает, сам же не может вести первый голос.

Вэлш оглядел собравшихся, кивнул:

- Спасибо. Послезавтра проведем уточняющее совещание. Возможны коррективы, к ним надо быть готовыми заранее. До встречи.

Когда коллеги, приглашенные им, ушли, Вэлш набрал номер телефона Дигона.

Старик в это время ехал в своем старом "кадиллаке" из Нью-Йорка в парк "Токсидо", всего двадцать миль от города. - тишина, зелень, птицы, озера, маленькая церковь, обсаженная кленом, полная милых далеких провинции. подстанция концерна переключила разговор на автомобиль, Дигон снял трубку:

по этому номеру могли звонить только самые доверенные лица.

– Слушаю.

– Это я, мой дорогой друг.

– Боитесь, что наш разговор могут подслушать?– усмехнулся Дитон.– Избегаете называть меня по имени?

– Вы снова правы,– ответил Бэлл.– Именно поэтому мне бы хотелось повидаться с вами.

– В любое время. В любом месте.

– Хорошо, я прилечу к вам.

Директор ЦРУ перемотал запись и опять включил на прослушивание. Послышались голоса:

– Это я, мой дорогой друг.

– Боитесь, что наш разговор могут подслушать? Избегаете называть меня по имени?

– Вы снова правы. Именно поэтому мне бы хотелось повидаться с вами.

– В любое время. В любом месте.

– Хорошо, я прилечу к вам.

Директор остановил запись.

– Ну и ну... – сказал он задумчиво.

Дон Вальдо плавал в море до полной усталости.

– Хватит, отец, давай сюда,– Гвидо опустил с яхты канатную лестницу.

Дон Валлоне тяжело поднялся на палубу.

Гвидо пожал ему полотенце и набросил халат.

– Ты не справедлив ко мне, отец. Лишить меня возможности видеться с Луцджи?..

– Ты постоянно изменяешь жене, а недавно купил квартиру какой-то балерине...

– Дон Валлоне, вам три радиотелеграммы,– закричал с мостика капитан.

– Сейчас,– сказал Валлоне и продолжал сердито сыну: – Ты живешь в семье, а не в борделе, ты член моей семьи, а я свято берегу нашу честь. И до тех пор, пока ты не расстанешься со своей паршивой шляхой, сына ты не увидишь. Ступай вон и подумай над моими словами.

Дон Валлоне поднялся в рубку, прочитал радиограммы, сжег их и сказал капитану:

– Вышлю, пожалуйста, срочно к берегу.

В порту его ждал огромный "крейслер". Шофер медленно провез дона Валлоне по набережной. Он открыл окно, улыбаясь, любовался немногими отдыхающими.

Когда шофер медленно свернул с набережной, лицо дона Валлоне изменилось в мгновенье, собралось, сделалось жестким, морщинистым:

– Резво,– сказал он.

Шофер нажал на газ, машина рванулась, словно бы кто-то перерезал повидимые канаты, ее державшие, проскочил под желтый свет, скрипуче повернул в маленький переулок, затормозил возле

магазина, дон Баллоне быстро, не по годам легко выскочил, вбежал в магазин, прошел его насквозь, вышел на параллельную улицу, проверился, стремительно оглянувшись, толкнул дверь бара, кивнул хозяину, который протирал стойку, [illegible] и быстро спустился по крутым ступеням вниз, к телефонным кабинам.

Первый звонок дон Баллоне сделал в Берн:

– Здравствуйте,– сказал он глухо. Это я, Витторе. Мой племянник сегодня прибыл. Проследи за тем, чтобы он хорошо отдохнул. У него завтра хлопотный день.

– Я постараюсь,– ответил дон Аурелио, поняв то, что ему надлежало понять, и положил трубку.

Второй звонок он сделал в Вашингтон:

– Алло, это я, все будет в порядке, только пусть позаботятся, чтобы люкен как следует посмотрели за костюмами для завтрашней гала-партии.

– Постараемся,– ответил Майкл Волш. –Люкен вполне квалифицирован.

Разговор закодирован, голос изменен, однако каждое слово имеет свой смысл, расшифровать невозможно.

Третий звонок дон Баллоне сделал в Нью-Йорк, сказал лишь одно слово:

– Спецдальте!

Леопольдо Урбино в сопровождении служителя отеля, обходил свой пятизвездный люкс. В каждой комнате он включал весь свет, осматривался.

– Телефон!– сказал он и опустился в кресло.

– Слушаю,– ответил служитель.

– Наберите Франкфурт, номер 2327909.

Служитель набрал номер и принес трубку, просто трубку без проводов.

– Добрый вечер, фрау Дорн,– говорит Леопольдо Грацио,– первым же рейсом вылетайте сюда, в Берн. Завтра предстоит совещание с представителями американской "Шнайдот фрут" и "Ролл Ролл". Никто кроме вас не сможет оформить стенограмму столь важного совещания. Спокойной ночи, фрау Дорн.–Попросите принести мне ромашкового чая,– сказал он, отдавая трубку.– А на завтрак кусок полусырого мяса и авокадо с икрой. Кто-то из режиссеров назвал свой фильм, обращенный против нас, замученных работой бизнесменов "Большая кратка", но вы то знаете, что я позволяю себе шиковать лишь в исключительных случаях.

Служитель кивнул.

– Они все обозлены на мир, эти режиссеры, полная безответственность.

– Месье Стоянов, через три хода я объявляю вам мат,– сказал Серж, хозяин кафе, куда болгарский журналист приходил почти каждый вечер – выпить чашку крепкого чая и сгонять пару партий в шахматы. Он жил в этом же доме: на Рю Курнеф, квартиру занимал маленькую: одинокий, вполне хватает двух комнат.

– Через два хода вы согласитесь на ничью, месье Ш,– ответил Стоянов задумчиво.

В кафе никого уже не было, только парень в парижской сине-

красной кепочке с помпоном тянул свою ситровую воду, устроившись возле запотевшего окна так, словно он был намерен остаться здесь на ночь.

- Может быть, еще одну чашку сладкого чая?- спросил Серж. - Чтобы горечь поражения не была так ощутима?

- Я готов угостить вас рюмкой кальвадоса, чтобы вам не было слишком грустно просадить выигранную партию, месье Нё.

- Вы мыслите так четко, и несмотря на это проигрываете в шахматы, месье Степанов. Я обещал вам мат?

- Обещали.

- Может быть, вам угодно сдаться?

- Никогда,- ответил Стоянов, понимая, что партия проиграна. Он встал, пошел к телефону, что стоял на стойке бара.

- Итак, вы сдались,- торжествовал Серж,- не правда ли, господин коммунист?

- Я проиграл данную конкретную партию, господин мелкий буржуа, но общий счет, тем не менее, в мою пользу.

Набрав номер, Стоянов сказал:

- Мари, я закончил дело. Ты придешь ко мне завтра утром? Жаль, я начну диктовать первый кусок в десять, хотелось, чтобы ты посмотрела все начисто...А когда? Ладно, я попробую перенести разговор с редакцией на час...Отчего у тебя грустный голос? Ну-ну...Ладно, обнимаю тебя, спокойной ночи... Что? Не знаю... - Стоянов опустил трубку.

Парень в парижской сине-красной кепочке с помпончиком бросил на стол пять франков, зевнул и вышел из кафе.

- Доброй ночи, месье Нё,- сказал Стоянов.

- Доброй ночи,- Серж налил себе глоток кальвадоса, медленно

выпил терпкую яблочную водку и убрал фигуры в большую инкрустированную коробку.

На улице Стоянов прошел шагов пятнадцать и вошел в свой подъезд.

Из-за угла дома вынырнул парень из кафе. Он несколько раз мигнул фонариком в верхние окна.

Стоянов поднялся на площадку, достал ключи и открыл дверь своей квартиры. Он вошел в комнату.

Как только щелкнул французский замок, тут же распахнулась дверь шкафа и черная фигура обрушилась на Стоянова.

2

Это возраст? Это?
(А если нет?
отвергни однозначный истины
~~Хоть гвоздь~~ Тебе сегодня сорок лет
Как в Библии подлунных [illegible]

Это возраст? Нет. А если да?
Но в Библии течёт вода,
Она учит тебя туда
Куда не каждому повадно
И ощущение отрадно:
Призрачный с всей [illegible].

Я сам себе пугало тем,
Как промелькнули мои годы
Но в Библии бродят воды
Обилием [illegible] тем
Оставим их, пожалуй, тем,
Что катит с круга за ними следом,
[illegible] на мой вопрос неверный
Не им, не нам и насовсем
Ничто на свете невозможно
Хрестоматийный [illegible] ложной;
~~Я вернусь назад — зачем.~~
Всё, что прошло, уйдёт зачем...

Вернулся снова, хоть невнятно,
Но, усмехнулся, тебе понятно,
~~Как много переменчивых~~ тем
Зачем [illegible] этих
В [illegible] моих ~~этих~~ строчек

Домбайский ноктюрн во время снегопада

Снег идёт и снова будет
отдыхать помаленьку
[illegible]
Зги нет, и Эльбрус, горы.

("А у меня
на шее ~~[illegible]~~
бусинка
бересклет"
Л. Меньшов —
Дуня из Никольского
в 1963 году)

Снег идёт, купаются в нём,
Меньшов и бересклет,
Склон другой, в Никольском осень
~~Небо [illegible] идёт сплошное~~ В облаках замена просинь
Вовсе без единого ответа,
Кому страшно, а мне — ну

~~Звучный баритон уж пройден~~
Ожидание барьера, —
Звук разгоняет холода.
Шёпот утих; не шепчи — химера,
Сплошное — полумера
Да, похоже, пора.

Долго ль бродить, кто решил?
Сам себе злобно не мил,
Был в лыжне, шнуровал
Срок отпущения там мал,
Хотя стоит всю осень
Идти в Никольском, не та просинь
Вовсе без, один ответ
Бусинка — бересклет
До свидания, не до встречи.
Встречу снова. ~~Нето~~ Дайте лечь.